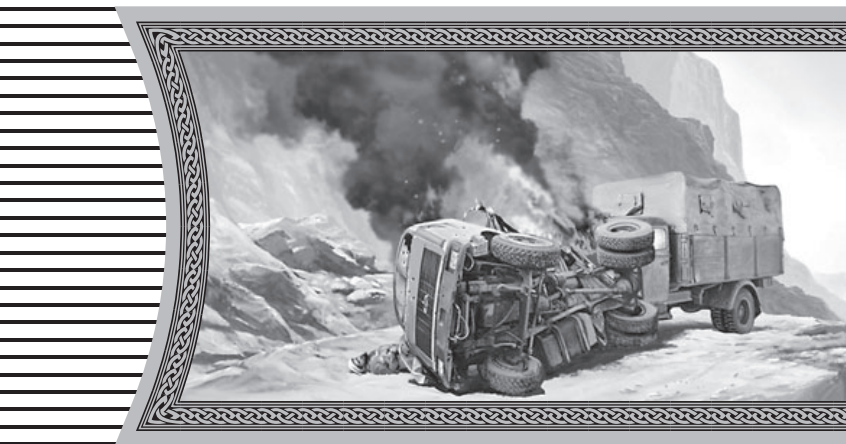

фантастическая
история

Книги Марика Лернера
в серии «Фантастическая История»

МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ
МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ. ВОСТОК

СОВСЕМ НЕ ПРОГРЕССОР

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Марик Лернер
Со всем не
прогрессор

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л49

Лернер М.

Л49   **Совсем не прогрессор: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 439 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1460-4

Может ли существовать СССР в 2000 году или 2010-м? Может. Только если он не будет вести себя как в реальности. Другие начальники, другие идеи и отсутствие раздачи подарков окружающим странам исключительно по доброте душевной. За все надо платить. За отсутствие застоя тоже.

Нормальный человек не стремится непременно все изменить. Зачем? Он и так живет в самом лучшем на свете государстве — СССР. На дворе 2000-е, и жизнь в целом удалась. Есть, правда, бытовые мелочи и мелкие недостатки, но для их исправления революции не требуются. А еще есть начальство, и оно без оформления необходимых бумаг отправляет в командировку неведомо куда. В абсолютно невозможную, разлагающуюся буржуазную Россию. И там уже придется рассчитывать исключительно на себя.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1460-4

© Марик Лернер, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Часть первая ПРИШЕЛЕЦ

Глава 1 НОВОЕ РОЖДЕНИЕ

Он дернулся, пытаясь повернуться, и невольно охнул. Болело все тело. Спина, левая нога. Крайне неприятные ощущения, и то, что он лежал на животе, самочувствия не улучшало. Очень уж жесткая койка. Будто на доске находишься.

— Быстро за врачом, — сказал голос по соседству. — Очу- хался.

Он осторожно повернул голову и попытался осмотреться. В дверь прямо напротив его койки торопливо пропрыгал на костылях молодой худой парнишка в больничной пижаме. Дикая сине-зеленая расцветка, и застирана чуть не до дыр. Рубашка... или это как-то иначе называется, в брюки не заправлена, и внизу на поле неразборчивый штамп. Одна нога в гипсе. Это, видимо, тот, к кому обращались.

Не очень большое помещение. Покрашено в белый цвет. Тумбочки стандартные для всякой мелочи. Три обычные койки. Нет, еще и его — четвертая. На соседней, у большого окна, кто-то лежит. Одеядло очень знакомое, где-то уже виденное. Рядом в позе мыслителя сидел здоровый бугай с раскормленной рожей и тоже в дурацкой пижаме, из-под которой торчала старенькая тельняшка. Больница?

В распахнувшуюся дверь гурьбой ввалилось несколько человек. Первым следовал вальжанный тип с заметным брюшком и большой лысеющей головой. Белый медицинский халат расстегнут, и под ним видна военная форма. Ага. Медицинские петлицы. Госпиталь? Тогда с одеялом и пижамами все понятно. Вечный стандарт. Государственное имущество. Иногда ощущение, что все подобные вещи выпускаются на единственной фабрике. Впрочем, тумбочки и кровати проходят по той же категории. ГОСТ. Большая такая фабрика. Огромная. На всю страну хватает.

Две девицы сзади. Халаты белые, шапочки на головах. Совершенно не похожи. Медсестры? Правая — типичная русачка. Полненькая, беленькая и с профессионально-участливым добродушным выражением лица. Выйдет из палаты — и моментально забудет обо всем. И ноги толстенькие, машинально отметил. У такой наверняка даже на дежурстве с собой пирожки домашнего изготовления имеются.

Вторая... М-да... Это не девица... Женщина. На вид лет тридцать. Халатик приталенный, подчеркивающий фигуру. А там есть на что посмотреть. Все на месте — тонкая талия, широкие бедра, не слишком большая грудь, зато осанка княгини. Ишь как выступает. Лицо... Тонкий нос, пухлые губы, высокие скулы. Странное ощущение восточности при вполне светлой коже и европейских чертах лица. Вроде и разрез глаз не монгольский, но что-то чувствуется. Прядь иссиня-черных волос вылезла из-под белой шапочки. Не девочка... да. Еще и смотрит, будто с усмешкой.

Сзади пришельцев болтается тот самый парнишка на костылях, с интересом заглядывая через плечи остальных.

— Так, — довольно прогудел басом мужик, устраиваясь возле него на стул, подвинутый казашкой. — Молодец, солдат... А мы уже заждались. Пятые сутки без сознания. Женьке уже наверняка надоело вытаскивать твои фекалии. — Он довольно хохотнул.

«Я что, еще и под себя ходил?» — с неприятным чувством подумалось. С трудом сел. В спине опять стрельнуло.

— О! Бодро двигаешься. Молодец. Как себя чувствуем? Тошнота, рвота, головная боль, головокружение, шум в голове?

— Ничего нет. То есть все в порядке. Доктор, — прохрипел. Запнулся, сглотнул и повторил: — Доктор, а кто я? Что случилось?

— Что, имя с фамилией потерял и биографию? — В голосе врача была заметна ирония.

— Ничего не помню. Совсем ничего из прошлой жизни.

— Вот еще новости, — уже другим тоном сказал врач. — Что-то с памятью твоей стало... Дата рождения?

— Не помню.

— Что последнее, до того как очнулся на койке?

Он напрягся и пожал плечами.

— Родители?

— Не помню. Пустота.

— Где служил?

— Не помню.

— Какое сегодня число?

— Третье июля двухтысячного года. Хотя... если пятые сутки... восьмое?

— Девятое. Но это простительно. Умственной деградации не наблюдается, — неизвестно кому сообщил врач. — Выводов делать не разучился. Страна как называется?

— Советский Союз. А в каком городе нахожусь — без понятия.

— В Верном, — рассеянно сообщил врач, — этого ты знать не можешь. Привезли уже в бессознательном состоянии. Сколько республик входит в СССР?

— Девять.

— Правильно. А когда День Победы?

— Девятого мая одна тысяча девятьсот сорок пятого года.

— Столица нашей Родины?

— Москва. Я даже могу рассказать про достопримечательности. Я там был. С экскурсией. Э... в девяносто пятом году. На юбилей Победы. Парад видел. И в Мавзолее, и в Кремле, и в музеях разных побывал.

— Затруднений в речи тоже нет. Дисфункции поведения... — Он задумчиво посмотрел. — Вроде психиатр не требуется. Или послать тебя на проверку?

За спиной у него та самая медсестра с намеком на Восток еле заметно покачала отрицательно головой.

— Доктор, я не псих, — старательно просительно произнес.

Ему и самому предложение не понравилось, а подобный знак еще больше.

— Кидаться на людей не тянет и рвать на груди рубаху тоже. Я не помню только лично про себя. А так... Вроде нормально... В окружающей обстановке ориентируюсь. Спина болит, — просительно сказал. Надо было срочно переключать экзаменатора на другую мысль.

— Травмы головы точно нет? — обернувшись к медсестрам, спросил врач.

— Да все в порядке. Мы ж осматривали, — доложила светленькая. — И рентген делали. При длительной потере сознания

обязательно. Возможна черепно-мозговая травма. — Девушка искоса взглянула на старшую.

Парень без труда догадался, что в назначениях этого самого жизнерадостного типа данных указаний не содержалось. Кровотечения нет — и замечательно. Кинули на койку, и с чувством исполненного долга врач отбыл домой. Утром зашел, глянул и забыл. Нормальное лечение в военном госпитале. Зеленкой помазать — и привет. Анальгинчику еще. Или это только в полевом? Здесь собрались душевные люди. Вот сразу и поверил.

— Ага, — глубокомысленно подтвердил тот. — Смотрел снимок. — Он задумался, вспоминая. — Ага. Иногда при контузии бывает, — рассматривая его с видом естествоиспытателя, сообщил врач. — Временная потеря памяти в результате посттравматического шока.

Казашка (среди них очень разные попадают, сборная солянка из гуляющих в давние времена народов) за его спиной еле заметно улыбнулась. То ли над формулировкой, то ли над затруднениями врача.

— Пульс нормальный, учащения не заметно, — держа его руку, поставил тот всех в известность. — Тошноты не наблюдаются?

— Нет.

— Хм... Обычно теряется кусок памяти прямо перед происшествием. А ты у нас уникал. Служи первый год — я бы решил: сачок. А тебе какой смысл? Осенью на дембель. Месяца три в госпитале перекантуешься, и еще и третью категорию заслужил. А с записью о проблемах в голове как бы не свинтили назад, в пятую.

Вот этого он не понял, но промолчал. Лучше не показывать растерянности и не выдавать отсутствия знаний. А то ведь натурально запишут пятую. Что бы это ни означало. Информацией делиться надо дозированно. Потери памяти было не скрыть, да и растерялся первоначально. А теперь рассудок включился. Что такое сотрясение мозга, он прекрасно знал.

— Глупо. Придется поверить в твою странную амнезию. Значит, так... Проверим голубчика по полной программе. Рефлексы ведь в норме. В репку не превратился. Память тоже сохранилась. Значит, нарушения отсутствуют. Прогоним еще раз через томографию, рентген, тесты. Лобные доли проверить, ге-

матому скрытую поищем. Посмотрим. На диссертацию случай таянет. — Он весело рассмеялся. — Хочешь прославиться?

— Нет. Я хочу знать, кто я такой.

— У... какой ты скучный... Низин Александр Константинович. Одна тысяча девятьсот семьдесят девятого года рождения. Старший сержант. Привезли из-за речки. Подрыв. Свалилось тебе на спину полскалы, и два легких ранения в ногу. Мясо слегка покорябало, и все. «Прыгун» виноват. В курсе, что есть такое?

— стакан, набитый дробью, — автоматически ответил Низин, размышляя над именем. Совершенно ничего не колыхнуло на «Александра». Вот фамилия — другое дело. Сразу захотелось встать по стойке «смирно» и бодро заорать: «Я!» — При срабатывании подскакивает и бьет сверху. Даже если успел упасть, не помогает. Шарик летит не над землей, а вниз. При чем тут скала?

— Посмотри на свою спину — и все поймешь. Потому, видимо, и живой остался. Счастливчик. А подробностей я и сам не знаю. Для лечения не требуется. Отдыхай пока. Переваривай новости. Кто первый зашел в палату? — спросил неожиданно.

— Вы.

— А коек в палате сколько?

— Четыре, — недоумевая, ответил парень.

— Вот и замечательно. Дезориентации также не наблюдается. Не трусь, боец, — бодро сказал, — при благоприятном течении заболевания память постепенно восстанавливается. Галя, — сказал, обращаясь к казашке, — запроси полное дело в части. Любопытненький случай. Будем посмотреть. Зуйко, — тыча пальцем в мордатого, — еще раз без разрешения во двор намылишься — выпишу к чертовой матери. И не посмотрю на отсутствие метра кишок. Прямо в родную часть. Жрать перловку. Смотри у меня!

— А покурить можно? — спросил Низин уже в спину.

— Сколько стоит «Прима»? — остановившись, спросил врач.

— Четырнадцать копеек.

— А «Космос»?

— Семьдесят. Если в твердой пачке.

— У окна, — кинув ему початую синюю пачку с нарисованной ракетой, приказал. — В первый и последний раз. Считай,

премия за интересный случай. Сейчас ты до туалета не доплывешь.

— Правда ничего не помнишь? — жадно спросил загипсованный. Он так и стоял все время на костылях за спинами, уши только не шевелились от энергии, с которой подслушивал.

— Дай сигарету, — потребовал мордатый.

Тот еще тип. Совершенно не обезображенное работой мыслю лицо со сломанным носом. И весь из себя могучий человек, так и просящийся на плакат, пропагандирующий доблестную армию. Шея — бревно, кулаки размером и весом с гири.

— Вячеслав, — протягивая руку, назвался. — ВДВ. По небу летаем, все видим. Третий год, — подчеркнул интонацией. — А это Женька. Молодой.

— Зовите Сашкой, — произнес Низин и сразу понял — так будет правильно. — К окну пойдём, — с трудом вставая и кряхтя как старик, позвал остальных. — Наглеть не будем.

И пройти-то пять шагов, держась за кроватиные дужки, а уже спина вся мокрая. Ногy дергало, но вроде падать и подвывать от боли не тянуло. Ничего серьезного. Наступать больно. Присел осторожно на широкий подоконник и мимолетно посмотрел в окно. Привычное зрелище. Трехэтажные корпуса и заасфальтированный дворик с наглядной агитацией — «Решения правительства — в жизнь», «Будь готов к труду и обороне»... Лозунги интереса не вызывали. Зрелище насковзь привычное, как и отдельная курилка во дворе. Ящик с песком, крыша из жести. Стандарт.

— А это кто? — поинтересовался, кивнув на по-прежнему неподвижное тело на койке.

— Степной Игорь, чернота.

Вот тут пояснять не требовалось. Это он знал. Мотопехота. Десантники должны именоваться «шизами» за прыжки с неба. Нормальный человек такой фигней не занимается, а десант на парашютах последний раз был лет двадцать назад. Наманган? Он самый...

Не было никакого шелканья в голове, и знания о жизни не появились. Зато неизвестно из каких глубин появилась картинка.

Класс. Точно. Обычная доска с какими-то формулами мелом. Впереди мальчишеские стриженные затылки. Значит, он

сидел в третьем ряду. Почему-то соседа не видно. Наверное, просто не занимает. Все внимание направлено вперед.

Прямо на учительском столе сидит худой человек в общевойсковой форме без погон. Уши оттопыренные, бровь пересекает маленький шрам, отчего постоянно кажется на лице удивление. Ноги в начищенных до блеска сапогах положил одну на другую. А в глазах неприятный холод.

— КГБ — организация дебильная, — говорит он, явно продолжая фразу, — со временем поймете. Додумались тоже спустить пар, разрешив создать при мечетях общества помощи. Переложить с государства на собственные плечи. Как будто не ясно, что они рано или поздно превратятся в рассадник радикалов. Кучкуются вместе и обмениваются идеями. И наличие стукачей здесь не поможет. Сейчас речь не об этом... Короче, ничего умнее не придумали, чем забрать Файзабаева прямо с проповеди. При всем честном народе. Хотели продемонстрировать, какие они все из себя.

Он скривился очень натурально, показывая отношение к действиям.

— Продемонстрировали. Глупость. Брать надо тихо, ночью. Особенно популярных людей. Или приехать сразу с ротой и всех возмущенно вякающих загрести заодно. Или пострелять. Это уж как задача поставлена. Страх — важнейшая составляющая подобных мероприятий. А то выйдет очередной Наманган. Муслимы взбесились. Воронок мусоров перевернули и самих патрульных в куски порвали. Вот гэбэшников ни хрена не жаль, а эти в чем виноваты? Отбили своего проповедника и на улицу пошли. Запомните на будущее — любой по отдельности думает о своей шкуре. Каждый взвешивает последствия. У него имеются жена, дети, работа. В толпе люди превращаются в зверей и теряют разум. Куда идет лидер — туда и толпа. А руководителей она выдвигает из себя моментально. Про иного никогда и не подумаешь, да он и сам про себя не подозревает. Они могут ненавидеть русских, но никогда не посмеют хоть что-то сделать. А тут тормоза ломаются. Поэтому и выход один — сила. Только жестокость способна переломить толпу. Она должна унюхать свою кровь. Сразу. Потом уже остановить сложно.

Он посмотрел внимательно и продолжил:

— Два милицейских участка разгромили. Оружейки вскрыли и пошли в белые кварталы. И всех попадающихся навстречу

либо тащили в толпу, вручая арматуру, либо убивали. Смотря от рожи. Пока городские власти прочухали, пока подняли всех, а части все больше за городом стояли, в самом Намангане один учебный батальон Семьдесят третьей пехотной дивизии и что-то там еще дополнительно техническое находились. Всю жизнь было спокойно, хотя мусульманских традиций так и не вытравили. Да не очень и старались.

Сами понимаете, не для городских боев солдат готовили: больше двухсот только убитых. Это уже потом насчитали. На самом деле гораздо больше. Десятки пропавших без вести, там многих и опознать было невозможно — в кашу кровавую превратили. А еще они прорвались на железнодорожную станцию. Пассажиров в те времена еще не регистрировали. Паспорт проверяли только при посадке и нигде не фиксировали. Официальная цифра погибших, — он прищелкнул пальцами, — очень приблизительная. А уж пострадавших, искалеченных тысячи были. Вот после Намангана у всех еще при рождении берут отпечатки пальцев и ступней.

Кое-где успели самоорганизоваться. Дали отпор зверям. Милиция по тревоге поднялась, с окрестностей на помощь подошли. Хоть охотничьи ружья — и то хлеб. Но не везде успели. Слишком уж неожиданно произошло. Вот и пришлось импровизировать. Сбросили десантников возле города. Одна из самых массовых операций считается в двадцатом веке. Почти пятнадцать тысяч человек. Да если бы сразу... Частями. Не было столько транспортников. Еще и с одним легким оружием. Для пушего количества. Вытеснить назад погромщиков они сумели, да при этом тоже потери понесли. Нет, — покачал головой, — армейские потерь никогда не сообщают. Секретная информация. Вот попадете в ГРУ или академию — там непременно подробности узнают. А я в общих чертах...

На третьи сутки в город вошли Семьдесят третья пехотная дивизия и Четырнадцатая танковая бригада. Тут уж взялись за туземный район всерьез. Выжгли начисто. Квартал блокировали — и всех под корень. Дома расстреливали из орудий, а выходящих с поднятыми руками — в фильтрационный лагерь. Не уверен, что до него хоть десятая часть доехала. Мужчин точно постреляли, да и бабам несладко пришлось. Вот так вот... Всегда помните: сколько бы они вам ни кланялись, сколько бы ни заверяли в лояльности, сколько бы своих ни продавали — ни-

когда не поворачивайтесь спиной. И будьте готовы в любой момент убивать. Другого языка муслимы не понимают. Все равно где они живут — на Кавказе или в Азии. Воспитание одинаково. Только страх способен держать в подчинении!..

Как пришло, так и ушло. Кажется, остальные ничего и не заметили. Но уже легче. Память не исчезла. Срабатывает на ключевые слова. Все еще проявится!

И появилось ощущение четкой нелюбви к десанникам, сидящей в душе. Даже скорее недоверие. Не свои. Чужие. Прыгают, прыгают, а никому в грош не сдалось.

Теперь по штату в мотострелковой дивизии имелось по одной эскадрилье вертолетов. Мелочь, а удобно. Проще (вернее — не нужно) налаживать взаимодействие с командованием фронтовой авиации в простых случаях. И авиаразведку можно проводить оперативнее, и прикрытие движущейся колонны с воздуха. И эвакуацию раненых своевременно легче проводить. А цена? Час полета В-22¹ — аж 800 рублей? За этот час можно перевезти 24 десанника на 120 километров и вернуться обратно (необязательно пустым, но пусть). Двадцать семь копеек пассажиро-километр. Как в такси прокатиться. А десанники, как и все прочие, на вертолетах передвигаются.

При них лучше кликухи не упоминать. Считается оскорблением, и моментально в драку лезут. Таких полуофициальных названий много. Все знают, но далеко не везде рекомендуется употреблять. Гробокопатели (саперы), дурни (танкисты), вертухаи (внутренние)...

Откуда-то выплыло название «зеленые». Точно. Он и есть «зеленый». Вроде нормально звучит. Не просто зеленый, еще и борзый. Пес его знает, что это значит. Граница? Зеленые фуражки? Ни черта не вспоминается.

— Обе ноги до колена ампутированы. Написал домой, а девочка и ответила: не нужен ей такой. Депрессуха у парня. Целыми днями лежит и молчит, — игнорируя раненого, сообщил Вячеслав. Похоже, парень простой, как угол дома, и без наличия стеснительности.

— А врача как зовут, и что за деятьель?

— Майор Пазенко, — доложил молодой Женька, торопливо зажигая спичку и давая прикурить обоим. Себе в последнюю

---

¹ В реальности легкий вертолет В-22 (Ми-22) существовал только в макете (КБ Миля).

очередь. — Начальник отделения. Хрен его знает имя и отчество. Здесь место хорошее, не Душанбе. Привозят немногих. Время есть, вот вечно и занимается придирками вместо работы. А так любит к кому придрататься, — он посмотрел на лежащего и сделал резкий жест, — или вот тебя мучить возьмется.

— Да плевать, — перебил его мордатый, — не хуже остальных. Все они одинаковые. Офицерье поганое. Вот сестрички у нас... — Он причмокнул. — Что Люба, что Гульнара. Так и просятся на...

— Майор сказал — Галя.

— Какая из нее Галя. Натуральная Гульнара от рождения. Вот как в шестерки пролезла, так и стала по паспорту Галя. Все равно за километр видно. — В голосе была непонятная злоба. — Передком категорию заработала — и туда же. Нос воротит.

Опять категория, не слушая Славиных косноязычных разглагольствований о наличии (отсутствии) белья под халатами у медсестер и машинально кивая в соответствующих местах, размышлял Саша. Ну заклинило бугая на приличных харчах и от безделья. Бывает. Мало он, что ли, слышал такого раньше. Обычный солдатский треп. Какие они все из себя любовники-ухари. А бабы голой еще ни разу в жизни не видели. Сплошное вранье.

Интересно, тело болит, а голова работает. Это прекрасно. Без руки или ноги паршиво, но хуже некуда без мозгов. А память... Буду надеяться на возвращение. А что мне еще остается.

Итак... Шестерка — это шестая категория? А всего сколько... Нехорошо. Явно все в курсе, один я дурак дураком. И не спросишь теперь. Сказал, все знаю, кроме собственной биографии, на этом и стоять надо. Ладно, меньше трепаться, больше слушать. Выйти из армии с белым билетом и соответствующим диагнозом — это приговор. Ни на одну серьезную работу не возьмут, и водительские права можно смело засунуть... Стоп. Откуда я знаю? Точно. Есть у меня права. Класс «В», «С» и «Д». Еще до армии получил.

— Слушайте, а вещи мои привезли? — перебивая Славу на очередной фразе про прошлые его гулянья по покладистым девкам, спросил вслух.

— Вроде не было ничего, — неуверенно ответил Женька, — в каптерке надо спросить. Там баба Вера заведует.

— Не кусок¹?

— Нет. Тут и офицеры лечатся. Еще не хватало, чтобы вещи пропадали.

— Сидит афганец в засаде с винтовкой, — обрадованно сообщил Слава. — Смотрит в прицел, появляется наш с одной лычкой. Афганец достает справочник и читает: «С одной полоской — ефрейтор. Премия 25 афгани».

Пока прицелился, ефрейтор скрылся. Появляется с двумя лычками.

Афганец достает справочник, читает: «С двумя полосками — младший сержант. Премия 30 афгани».

Пока прицелился, младший сержант скрылся. Появляется с двумя звездами. Афганец не заглядывая в книгу прицелился и убил. Достает справочник, читает: «Две маленькие звезды — прапорщик, враг Советской армии. Штраф 50 афгани».

Саша вежливо улыбнулся. Этот дурацкий анекдот он услышал еще в учебке. Да, наверное, и нет в армии кого-то, не присутствовавшего при очередном пересказе. Разве глухие от рождения. Народный армейско-солдатский неумирающий фольклор.

Опа! Учебка в Паневежисе. А где этот самый Паневежис, и чему там учили? По названию Прибалтика. Жуть. Выскакивает неизвестно откуда. С другой стороны, если появляется, где-то в архивной памяти хранится. Уже неплохо.

— Пойду полежу, — не дослушав очередной саги про поход на танцульки и кучу покладистых девок с вот такими буферами, сказал вслух.

— Еще одну оставь, — четко отделяя себя от молодого, попросил Слава и, не дожидаясь разрешения, полез в пачку.

Он еще и наглый, понял Саша. Прекрасно ведь понял, нет у меня ничего, и норовит лишнее взять. С фильтром, блин, желает. Одна — по-товарищески, две — перебор. Совесть желательно иметь. Ладно. Всему свое время. Надо осмотреться.

— На! На! На! — Каждый выкрик сопровождался ударом голы о бронетранспортер.

---

¹ На армейском жаргоне — прапорщик.

Избиваемый уже не сопротивлялся и даже не кричал.

— Спорим, не пробьет? — весело сказал голос за спиной.

— Да там уже нечем, — возразил другой, — мозги через уши полезли. Голова хоть и дубовая, супротив брони не потянула.

Он бросил тело, упавшее так, как не падает живой — просто куча, а не парень лет пятнадцати еще несколько минут назад, — и всем телом развернулся к весельчакам.

На обочине дороги, скособочившись, стоял маленький пикапчик с кузовом, разукрашенный надписями на арабском языке и картинками. Передние колеса в кювете, серьезная вмятина в боку. Возле него на коленях, с руками за головой, стояли трое афганцев. Взрослый мужик с седой бородой, женщина в неприменном мешке, закрывающем сверху донизу, только глаза блестят из-под сетки, и еще один мальчишка. Тот явственно дрожал, и по грязным щекам текли слезы.

Из люка бронетранспортера высовывалась незнакомая голова в шлемофоне. Вокруг стояло еще четверо в полевой форме. Ему не требовалось вспоминать имена. Он прекрасно знал их и так. Рыжий — Самойленко, Казак — Миронов, Цыган — Коновалов, Пшебыславский... У последнего прозвища не имелось. Не заработал еще.

— Зачем? — гортанно, но вполне разборчиво крикнул старик. — Он же совсем мальчишка!

Ухо молча шагнул вперед, одним движением сорвал с плеча Пшебыславского свой автомат, передернул затвор и прошел говорливого очередью. Мальчишка с диким визгом метнулся прочь, окончательно ополоумев. Еще одно рефлекторное движение — и тот рухнул на землю, поймав три пули спиной. Баба завывала без слов, качаясь из стороны в сторону. Миронов с диким ржанием пнул ее ногой в спину, затыкая. Не помогло. Она упала лицом вперед и продолжала подвывать на той же ноте.

— Ухо, ты что, совсем сбрендил? — орал разъяренный Рыжий. — Я же с ним рядом стоял! А если бы зацепил?

Ухо — это он, Низин. Он заведовал связью в роте, и кличка приклеилась недаром. Да и остальные имели под собой почву. В бою некогда произносить «разрешите обратиться, товарищ...». Проще орать «Ухо, давай связь!». Бывали и другие причины. Цыган, например, свел лошадь в кишлаке. Без причины. Покататься захотелось. Прodelал все настолько чисто, что про-

пажу хозяева обнаружили только утром. Местный ротный юмор, посторонним непонятный.

Пшебыславский стоял с отвисшей челюстью. С таким он еще не сталкивался и не понимал, как реагировать. Недавно прибыл.

Рядом остановился еще один бронетранспортер. С брони посыпались озирающиеся солдаты.

— В чем дело? — грозно спросил, продолжая сидеть сверху, капитан Соколовский.

Рыжий что-то невнятно пробурчал.

— Смирна! — увесисто уронил капитан. — Доложить, как положено. Сержант Самойленко!

— Ну это... Ехали... Навстречу машина. Зацепили. Ухо говорит, остановись, посмотрим. Поперся проверить. А пацан ему в лицо плюнул... Сука... Ну вот... Он их и замочил.

— Молодцы, герои! По возвращении всем непременно выпишу награду. «За боевые заслуги». Или нет. Сразу орден Красного Знамени. Мы где находимся?! — заорал. — В рейде на вражеской территории или в замиренном районе?! Да я вас, гнид, в яму посажу! Будете сидеть в зиндане, пока не посинеете, и под себя ходить!

— А мы при чем? — угрюмо спросил Миронов. — С Уха спрашивайте.

— А вы при всем. Отвечаете друг за друга. Круговая порука называется. Приходилось слышать? Ладно, — помолчав, сказал капитан. — Слушай команду. Низин!

— Я!

— Сам нагадил — сам и убирай. Взял — и всех этих трупаков в машину. Ручками. Самостоятельно. Лично. Сложил в барбухайку. Потом мину поставишь и подорвешь. Типа случайность. Ясно?

— Так точно!

— Выполнять, сука!

— А с бабой что? — жадно спросил Цыган. — Ее ведь нельзя отпускать.

— Тоже верно, — прыгивая на землю, согласился Соколовский. — Ну-ка, открой, Гюльчатай, личико.

Цыган схватил женщину за голову, с силой нажал, поднимая, и одним движением ножа разрезал балахон. Та застонала

от боли, когда он, ухватив ее за волосы, повернул лицом к капитану.

— О! — недовольно воскликнул Соколовский. — Старая уже. Негодная. Придется кончать: пользоваться противно. Гуманная все-таки нация афганцы — рожи своим бабам закрывают, чтобы не пугать гостей. — Потом уж к остальным: — Отпусти.

Капитан вынул пистолет и выстрелил женщине в голову.

— Остальные проштрафившиеся — в боевое охранение, пока этот долбень Низин трудится. Не кидать же идиотов реально в зиндан или под трибунал. Вы у меня и так попляшете. Из наряда в наряд. Что стоим?! Делом занялись!

Низин вздохнул и нагнулся к старику. Ухватил за ноги и потащил его к грузовичку. Вспышка ненависти прошла, и осталось исключительно недовольство. Нет, он не жалел о происшедшем. Просто в очередной раз сорвался с нарезки, и это начинало всерьез беспокоить. Нервы ни к черту. На хрена было остальных убивать...

Сашка дернулся и проснулся, пытаясь сообразить, что его подняло. Звук... Давно не удивлял вечный мгновенный переход от сна к бодрствованию. Что-то изменилось в окружающей обстановке — и моментальная реакция. Вокруг могут ходить, говорить, стрелять, он будет продолжать спать. Зато стоит в шуме появиться новым ноткам — и сна ни в одном глазу. Вроде здесь никаких опасностей не предвидится, а все равно на краю сознания ждешь подвоха.

Ага... Вот опять. В ночной тишине визгливый звук пружин кровати неприятно резал слух. Он сел, настороженно осмотрелся. На соседней койке мотострелок вновь подтянулся на одних руках и, зацепившись за подоконник, утвердился на нем. Видимо, в прошлый раз не удержался и рухнул назад. Вот и дернуло из сна.

Он без особого интереса посмотрел и пошарил под подушкой в поисках сигарет. Раз проснулся, неплохо бы подымить. Заодно и познакомиться. Его койка не визжала. Пружины в порядке, не растянутые. Тогда ему не показалось. Действительно, под тонким матрасом лежала самая натуральная доска. До него на койке «отдыхал» кто-то с травмой позвоночника. Ему необ-

ходимо было лежать на твердом. Как избавился от лишнего предмета, будто в импортной кровати оказался. Ничто не мешает. В принципе он мог спать практически в любом положении, даже в строю и на ящиках со снарядами, проверено жизнью, однако на мягком приятнее.

Парень, как его — Степной, — сидя боком, принялся дергать шпингалет. Левой рукой он держался за ручку рамы, иначе мог слететь от рывка. Поворачиваться ему было неудобно, и вообще смотрелся он странно. Укороченным. В темноте белели повязки на ногах, и выглядел парень донельзя странно. Вроде к игрушке нормального размера воткнули несоответствующие конечности. Не в первый раз Сашка видел людей с оторванными конечностями, но тогда это было по-другому. В горячке и не особенно задумываясь, затягиваешь жгут или бегом тащишь носилки. Каждый знает: чем быстрее раненый попадет в вертолет, тем больше шансов у товарища выжить. А что потом с ним будет, как-то не думаешь.

В душе каждый верит — его пронесет. Или уж лучше сразу. Чик — и ты на небесах. Хуже некуда вот так. Жизнь ломается пополам, и впереди ничего приятного не ожидает. Лучше не задумываться. И уж не прикидывать на себя, не придется ли корчиться с вывалившимися наружу кишками. Кто всерьез начинает размышлять о таких вещах, долго не протянет.

Степной наконец отжал шпингалет и распахнул вторую половину окна. Дернул со своей стороны — она не поддалась. Он со злостью ударил кулаком в стекло. Оно выдержало. Там толщина была дай бог, Сашка еще вечером обратил внимание. Что-то неприятно царапнуло. Парень точно не покурить полез. А что ему надо? Сашка хотел окликнуть, и внезапно дошло. Тот принялся перемещаться на руках в сторону открытой створки.

Низин вскочил, забыв про боль в спине и в ноге, и в три дерганных прыжка доскакал до окна, матерясь в голос. Ухватил за плечо уже добравшегося до цели парня, примеривающегося оттолкнуться, и сдернул его вниз с окна. Ногу пробило болью, и он сам свалился вслед за Степным на его койку.

— Зачем? — закричал тот. — Чего влез?

— Ты что удумал, идиот! — ответно заорал Сашка. — У тебя мозги вообще имеются?

— Пошел ты, — с точным указанием адреса пожелал мотострелок, — все равно выброшусь. Мне терять нечего.

— Идиот, — обнимая его за плечи и притягивая к себе легкое тело, сказал Сашка, — ты что, не понимаешь? Ты остался жить!

Господи, как же его зовут. Фамилию помню, а имя выскочило. Игорь!

— За себя и за других. Они лежат под звездочкой, а ты — нет. Зачем выкидывать себя на помойку? Сколько наших там осталось — ты жив! Можно подумать, ты один такой. Неужели другим легче? Мне, что ли, хорошо со сквозной дырой в голове?! Здесь помню, здесь не помню! Я вообще пустое место. Неизвестно кто. Даже не пустота, а просто дырка. Понимаешь? Меня нет. А ты — человек! Ты — русский солдат!

Господи, что я несу! Ему исключительно нотации о патриотизме не хватает.

— На хрена тебе эта ... Развел трагедию. Мало ли девок на свете! Их охмурять не ноги нужны — уверенность в себе. Чтоб чувствовали и млели. Деньги тоже... Чинить ЭВМ ног не требуется, а зашибают там будь здоров. Мастер всем необходим. Подумаешь — ноги. Чего другого ведь не отрезали. Тем более что у тебя и колени на месте. Сможешь...

Он молол языком, не особо задумываясь о произносимом. В части он бы просто дал по морде сорвавшемуся. Пара оплеух — и любая истерика пройдет. Отвести к бабе — еще лучше. Клин вышибают клином. А здесь что. Только слова. Только дружеское плечо. Ничего другого нет. Он продолжал обнимать, почти укачивая глухо рыдающего парня. Не выставляясь напоказ, молча и давясь слезами. Это хорошо. Может, теперь пронесет. Выдавить из себя всю дурь. Вот так, через кризис.

— Цель, — говорил Сашка, — необходима цель. Я, Степной Игорь, не хуже других — я лучше. Научиться ходить. Да, на протезах. Хрен ли, я точно знаю, сейчас делают очень приличные. Не деревяшка гребаная... У кого колени сохранились — вообще прекрасно. Нормально на шарнирах гнутся, со стороны и не поймешь. Человек ничем не выделяется. А потом идти дальше. Назло всем. Учиться. Тебе направление дать обязаны. И машину бесплатную. О... своя машина! Да любая девка твоя будет!

— Заткнулся бы, — недовольно сказал Слава.

— Закрой рот!

— Кто? — переспросил тот с угрозой в голосе, садясь на койке. — Я? Да ты кто такой?!

Сашка молча взял с тумбочки пустой графин и метнул ему в голову. Слегка промахнулся, и он со звоном разлетелся от удара о стену. Горлышко толстое, неудобно кидать.

— Ну все, — растерянно сказал Женька. — Шас нас всех отымеют.

— Запомни. В жизни есть главная цель... — выкинув из головы остальное, продолжал вбивать Сашка. — Окончательная где-то далеко. Неизвестно — дойдешь до нее или нет. Плевать. Все время ставишь себе задачу. Пройти. Если необходимо, распахивая других. Но ты должен обогнать других. Доказать себе — ты можешь!

Дверь распахнулась, трахнув о стену, и в палату проследовала Татьяна Ивановна. Всех прочих медсестер могли назвать и по имени. Чаще по фамилии или «товарищ прапорщик». Эту — исключительно Татьяна Ивановна. Так ей нравилось, и желающих возражать не находилось.

Жуткая баба. Полтора метра в высоту и ширину. Руки толщиной с окорок. И не жир. Ей бы в штангистки податься — цены бы не было. Олимпийский рекорд запросто побьет. Или в бокс. Она вполне способна не только коня на скаку останавливать, а танк. Как залепит по лобовой броне, так тот и сдохнет. От ее небрежного удара в полсилы рядового солдата уносило к другой стене и осыпало падающей штукатуркой. Проверено наглядно. Она неоднократно показывала класс воспитания сильно возомнивших о себе дембелей, и нового постояльца госпиталя неизменно предупреждали старожилы.

Толстые пальцы хлопнули по выключателю, зажигая свет, и маленькие глазки настороженно осмотрели все вокруг.

— Кто бардак устроил? — спросила прокуренным басом.

— Я графин случайно опрокинул, — сознался Сашка. — Нога подвела.

Еще один подозрительный примеривающийся взгляд. При всей своей страхолюдной внешности баба она была ушлая и сразу заметила, где именно отсутствует графин, а где валяются осколки. И распахнутое окно засекала моментально, как и его местонахождение, и руку на плече у Степного.

— Заплатишь стоимость, — вынесла вердикт. — Чтоб в будущем неповадно было спотыкаться. Получишь новый в каптерке. Еще что разобьешь — в двойном размере взыщу.

— Ясно.

— Зуйко!

— А?

— Убрать! За веником и совком — пошел!

Слава мгновенье колебался, но возражать не посмел. Молча встал и вышел за дверь.

— Чтоб у меня тихо было, — с отчетливой угрозой приказала Татьяна Ивановна. — Окно закрыть — и тишина. Ты, — ткнула пальцем в Низина, — проследишь за этим, — тычок в сторону Степного. — Вопросы есть?

— Никак нет, — послушно ответили Сашка с Женькой дуэтом.

Глава 2 ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Галина небрежно сунула под нос охраннику на проходной удостоверение и, не дожидаясь разрешения, прошла внутрь. Солдатики ее и так прекрасно знали в лицо и вечно пялились. Скучно им, единственное развлечение — следующие туда-сюда врачихи и медсестры. Хотя и считается внутренняя дивизия, да 79-я дислоцирована в Верном и занимается все больше вот такими дурацкими проверками. Смысла в изучении документов ни малейшего. Американским шпионам проникать на территорию без надобности, а местные обходят госпиталь седьмой дорогой. Легко нарваться на очередных идиотов в форме, горящих желанием набить морду.

Да на проходной ведь не столько бдят за проникающими извне, сколько сторожат вечно пытающихся слинять в самоволку выздоравливающих. Для многих дело доблести и чести умудриться напиться и потом рассказывать красочные и страшно преувеличенные подробности в родной части.

Угроза благополучной жизни сторожей таится внутри госпиталя. Им ведь не жалко, если очередной контуженный на всю голову подорвет в город. Ну напьется до поросычьего визга или магазин попытается подломить. Не их забота. А вот если

влипнет, попавшись патрулю, непременно последуют самые неприятные выводы по поводу бдительного несения службы. Отправят в очередную дыру в горы и предварительно будут долго учить. Возможно, сапогами. Запись в личном деле на фоне отбитых почек мало пугает. Да и есть места настолько неприятные, что о них стараются не вспоминать.

Отсюда и результат. На КПП сидят доблестные дедушки родной армии, прошедшие всю службу от и до и заслужившие собственной тертой шкурой легкого послабления. Оно сразу видно. Сплошь сержанты и нашивки на рукаве. Вася говорил, это уже послевоенное. Впрочем, как и все жуковские идеи. Раньше не было такого четкого разделения срочников по годам с разными правами. Одним — отпуск или увольнительная в город, другим — шиш. Да и с нарядами вполне официально стараются старослужащих не заставлять лишний раз. Каждому свое. Вдоль заборов с собаками на поводке ходит остальной контингент защитников Родины. Хотя эти все больше насчет внутренних врагов. Охранные...

— Привет, — зевая во весь рот, сказала Оля. — Ты у нас, как всегда, самая первая. Я тебя люблю. Танька вечно опаздывает, а по тебе часы сверять можно. — Она опять душераздирающе зевнула и махнула рукой. — Осложнений нет. Назначения выполнены в полном объеме. Лепота. Короче, не к добру это. Вторую неделю новеньких не привозят. Потом завал начнется.

Тут молча прошмыгнула в дверь Андреева, еле слышно поздоровалась и, торопливо схватив сумку, опять выскочила. Вечно она себя так вела. В разговоры вступала исключительно по делу, в глаза старательно не смотрела и, даже присутствуя на торжественных мероприятиях, сидела тише мыши. Да и вся она была какая-то бесцветная и малозаметная. Что есть, что нет. Ее даже медсестры с врачами звали по фамилии, и не каждый в госпитале был способен вспомнить имя.

— А мужики говорят, она и в постели как рыба. Ставрида мороженная. Исполняет супружеский долг в двух позициях, два раза в неделю.

— А ты все знаешь!

— А мне много чего рассказывают, — потянувшись так, чтобы платье обтянуло грудь, и подмигивая, завершила Оля. — Я вся из себя такая замечательная и внимательная. Особливо для красивых офицеров. Поведать подробности общения с очеред-

ным истосковавшимся по женской ласке раненым в сердечную сумку героем?

— Тьфу на тебя, — беззлобно ответила Галина, — хватит с меня Любиных исповедей.

Они дружно рассмеялись. Все давно привыкли к подробным рассказам о том, как за той шел очередной робкий мужчина, никак не решающийся познакомиться. У Любы на этой почве был явный бзик, и особенно странно смотрелось полное отсутствие реальных парней по соседству. Далеко не красавица, однако хозяйственная и во всех остальных отношениях неглупая, — а с мужской половиной у нее были очень странные отношения. Галина всерьез подозревала, что Люба их просто боится. Отсюда и невероятные истории про преследователей. В душе хочется, да все не выходит.

— Ну, я пошла? Пост сдан.

— Пост принят, — согласилась Галина. Она привычно закрутила волосы в узел и натянула сверху шапочку. Проверила вид в зеркале и осталась довольна. Ничего себе девочка. Симпатичная.

Плюхнулась на стул и быстро просмотрела бумаги. Ничего интересного. Рутинка. Мгновение поколебалась и проверила систему. Олька и не подумала выйти из «Снега», уходя. Оно и к лучшему. Не хочется лишний раз светить интерес, а смена еще не ее. Пароль тоже прежний. Никто проверять и не подумает, и тем не менее...

Хотела нажать «ввод» и остановилась, задумавшись. Слишком много места в последнее время в ее мыслях занимал сержант Низин. Тут уже пахнет потерей профессионализма и личным отношением. Не ее дело лезть во все эти проблемы. Какое там пахнет, уже. Завелся у меня любимчик, и без особой причины. Неизвестно, заметил ли он меня. Ходят тут в белых халатах. А... Почему нет, нажимая клавишу, решила, если хочется. За погляд денег не берут.

Что тут у нас с изучением оригинального экспоната... Угу... он демонстрирует исключительно положительную динамику. Похоже, Пазенко уже работает для проформы. Да и неудивительно. Быстро загорается, быстро остывает. Никакой усидчивости. Было бы тянущее на статью в «Медицинский вестник» — вцепился бы непременно. Что-нибудь вроде «в результате дефекта произошли преобразования динамических биоэлектри-

ческих процессов передачи возбуждения в замкнутых нейрональных цепях в нейрохимические и структурные изменения».

Ан нет. Дефекты отсутствуют. После перенесенной ЧМТ¹ различной степени тяжести весьма характерны нарушения временных параметров когнитивной деятельности, снижение внимания. У подопытного все в норме. Соображалка вполне работает. Тесты проходит на «ура». На предложение изобразить фантастическое существо нарисовал нечто невообразимое со множеством клыков и зубов. Вполне нормальная реакция, так и в медицинских журналах пишут.

Забывчивость, типичная после сотрясения мозга, отсутствует. Что после ранения происходило, пересказывает во всех подробностях.

Идеальный пациент. Половина солдат, угодивших в госпиталь, страдает нервными расстройствами, а у него будто все по верхнему уровню. И меня это радует. Радует? Она даже перестала изучать текст. Вот именно. А в чем дело? Чего это меня так заело? Вроде никаких особых причин. Ай, девочка, да просто понравился. Сразу не дошло, а ведь на Васю чем-то похож. Не копия, а будто родной брат. Самое интересное, может так и оказаться. Знаю я эти детдома и как туда попадают.

Хотя глупость. Не те люди, чтобы сына бросать. Противные, заучившие вусмерть свои идеологические догмы, но ребенка не бросили бы. Зачем зря наговаривать.

Так... Нарушение сна отсутствует. Еще один симптом ЧМТ не подтвердился. Тоже интересно. Спит как сурок. Или медведь зимой. Круглые сутки. Полезно вообще-то. Вроде во сне ему что-то вспоминается. Толком объяснить не может или не хочет. Но хоть не орет «Несите патроны!» и «Я этим сукам!..». Спокойный.

Ретроградная амнезия — дело странное. Иногда память быстро возвращается, иногда проходят месяцы и даже годы. Если, кроме этого, последствий не наблюдается — ерунда. Под статью подводить не будут. Запишут в медицинскую карточку про периодический контроль, и все. На последующую жизнь не влияет. Хотя случается, через десятилетие контузия аукается.

— А, ты уже здесь, — пробурчал мужской голос.

Галина вздрогнула от неожиданности и подняла голову.

---

¹ Черепно-мозговая травма.

— Работаешь, — сказал прислонившийся к притолоке Титаренко.

Вид у него был самый обычный. Расстегнутый ворот форменной рубахи и криво сидящий халат в подозрительных пятнах. Когда он оторвался от стены и, слегка шатнувшись, направился к столу, она поняла: опять выпил. Вонючий выхлоп изо рта не удивил. Совершенно нормальное состояние. Проблема одна — чем дальше, тем хуже. Она еще помнила времена, когда он если и принимал на грудь, так не на работе.

Замечательный диагност и неплохой человек, искренне заботящийся о больных и раненых, — и гарнизонная служба без малейших шансов на продвижение. Здесь пьют все. Многие спиваются. К красным рожам, дикому поведению и семейным скандалам она привыкла давно. Титаренко было жалко. Человек не хуже нее видел, куда катится, и не желал остановиться. Сломался. Вот как завернули рапорт о переводе в Военно-медицинскую академию, так и запил. И ведь не сам запрашивался: сверху запросили именно его. Да здешнему генералу все эти мерехлюндии до того самого места. Пожелал сгноить здесь — сгноит. Пиши хоть сто тыщ рапортов. От него по инструкции зависит резолюция на повышение категории, и он никогда не подпишет. Уж очень ему не нравится словосочетание Иван Иосифович. Скот вроде ее бывшего тестя. Не заслуги, а анкета интересует. Как будто мужик выбирал родителей. Не умотал папа на манер остальных в дальние края, так радоваться надо — патриот. Нет, все равно есть в нем для кадровиков нечто подозрительное.

— Кузнецова из третьей палаты и капитана Сивого на выписку, — упираясь руками в стол и наклонившись вперед, приказал доктор. — За Хохловым внимательно понаблюдай. Не нравятся мне его почки. Вечером специально зайди.

Галина послушно кивнула. Почему он ей дает указания, а не делился с Пазенко, переспрашивать мысли не возникло. Тому на всех плевать. Начальник. А тут еще и выходной. Закроется в кабинете — и спать завалится.

— За Степным к концу недели машина придет, — помолчав, добавил Иван Иосифович. — Я дозволился. Сколько можно его здесь держать. Давно пора переводить в реабилитацию.

— Он...

— Да, — сказал Титаренко с досадой, — я знаю. А что делать? Майор на каждой планерке визжит — показатели портит и место занимает. Ладно, еще этот новенький его есть заставляет и регулярно беседует. Вроде начал выплывать. Может, там легче будет. Среди таких же. Почему мать не приехала?

— Я посылала телеграмму. И в военкомат.

— Я знаю. Тошно мне, — пожаловался. — Ничего сделать было нельзя, а все равно тошно. Молодой пацан, а жизнь под откос.

В открытую дверь проскользнула Люба и радостно поздоровалась. С утра у нее всегда было прекрасное настроение.

— Здравсте, — недовольно буркнул Титаренко. — Я пошел. — Он распрямился и замер вполоборота: — Слушай, все спросить хочу: почему ты вечно в форме ходишь? Даже не на работе? Какая радость разгуливать в погонах прапорщика?

Только пьяный мог спросить, подумала Галина. На соседних этажах живем, а тут в голову премудрую стукнуло.

— А чтоб видно было, — глядя ему в глаза, сказала, — Иван Иосифович, — отчество произнесла подчеркнуто. — Район такой. Бить будут не по паспорту, а по морде.

— Кто ж тебя не знает в гарнизоне! — Он махнул рукой. — А... — И вышел, не прощаясь.

Ну что хотел, то и получил. А до Любы не дошло. Оно и к лучшему.

— Майор не появлялся? — оживленно спросила та.

— Нет пока.

— Вот и прекрасно.

Дальше она начала творить свой обычный звуковой фон. Ее сейчас перебивать нельзя. Расстроится. В нужных местах удивляться и вопросительно мычать. Иначе будет потом весь день дуться. Жалко, что ли, пару раз поддакнуть.

Подробный отчет о вчерашнем дне. Общение с матерью. Кухня, магазины. При этом она сноровисто раскладывала таблетки по маленьким стаканчикам. Галина ставила галочки возле соответствующего имени. С этим делом было строго. Лекарства — вещь опасная. А в серьезных заведениях и наркотики присутствуют. Иные не слишком умные солдатики норовили наглотаться или, наоборот, выплюнуть. Кто не торопился в родную часть, кому захотелось дури попробовать. Люди разные, и побуждения очень редко высокоморальны и духовны.

Да и за дверью госпиталя за иные таблетки могли неплохо заплатить. Не столь большая сложность вколоть глюкозу вместо морфина и толкнуть ампулу налево. Поэтому они всегда этим занимались вдвоем. Для контроля. Она еще в медучилище видела кино из американской жизни. Режиссер был страшно прогрессивный, и жизнь в Штатах ужасна, но запомнилось, как тамошние мусора всегда ходили вдвоем. Вот на собственном примере и догадалась о причине. Чтобы один всегда имел возможность настучать на второго. Будь хоть три раза друзьями, но когда всерьез надавят, никуда не денешься. Свидетель. Уже так легко на лапу не возьмешь. Им и смены постоянно меняли наверняка из тех же соображений.

Система была давно отработана. На тележке для каждой палаты отдельная тарелочка с номером. А на стаканах наклейки с фамилиями. Поверх старой, плохо отодранной, лепится новая. И захочешь — не перепутаешь. А что именно вручают очередному раненому герою, тому ведать не положено. В нормальной больнице страдающие любят приставать с расспросами. Здесь проще: рот открыл — ап! Запил! Нам лучше знать, чем тебя кормить. Все равно не злоупотребляем. Фонды не резиновые, и лишнего не дадут. И зря держать на койке не будут.

В беспрерывном журчании мелькнул очередной «робко смотрящий» ухажер. Бедная девочка. Интересно, у нее хоть кто-то был? А про Закон о демографии ей в школе не объяснили? К тридцати каждая гражданка должна иметь не меньше двух детей. Лучше, конечно, больше. Поощряется. И деньгами и квартирой... К тридцати пяти — трех. При отсутствии детей — направление на искусственное оплодотворение. Уклониться нельзя. Автоматическое понижение категории. Мать-героиня, естественно, получает повышение в статусе.

Хуже всего неспособным рожать по медицинским причинам. Далеко не всё лечится. Страшное дело творится иногда в гинекологии. Подменяла пару раз — насмотрелась на всю жизнь. Не дай бог. Случалось, вены резали или вешались. Муж бросает. А она в чем виновата? В государственном постановлении и потере статуса для семьи? Какая сука озаботилась расширенным воспроизводством русского населения столь оригинальным способом?! Мужиков вот не касается.

Да, за бездетность налог берут. Зато гуляй себе сколько угодно. Никаких алиментов, кроме как для официальных жен.

Походы налево даже поощряются. А презервативов в продаже днем с огнем не найдешь. Отсутствие в продаже изделия номер два за четыре копейки со стойким запахом резины повышает рождаемость и не считается дефицитом.

Единственное хорошо — профилактику венерических заболеваний после первоначальной вспышки поставили на высший уровень. Осмотры для всех регулярные. Это только в медицинских журналах можно и найти, в «Правде» или «Огоньке» столь низменными вещами не озабочены. А что? Мужикам хорошо. Всегда найдется готовая. Ей рожать пора, а последствия мужика не колышут.

Солдаты им нужны, а про чувства кто подумал? Ей вот повезло с Васей. Была любовь. Летала, а не ходила. И он не побоялся против родительской воли пойти. Все официально. Не просто так — жена. И Надька вышла на загляденье. От нее — ничего, кроме волос, вся в отца. Говорят, так и должно быть. От любви красивые дети получаются. Умные, удачливые.

Господи, чего меня опять понесло, да еще в эту сторону. Два с лишним года обходилась. Так возраст, сказала сама себе. Двадцать восемь стукнуло. Пора и задуматься. Совсем не хочется назад, в негражданство. Я еще проживу, но Надька чем виновата. Вот и выходит — думать пора о втором. А на горизонте никого приличного. Один Титаренко еще так-сяк, но от алкаша в жизни рожать не буду, да и он страшно правильный. Женке изменять не захочет. А больше — жок¹. Не с первым же попавшимся. Противно. И в гарнизоне назавтра все знать будут, — и так косятся.

Не успели вернуться с обхода, как взвыл телефон. Какой-то юморист установил в сестринской не обычный аппарат, а с диким ревом. Не иначе, в детстве уколы больно ставили. Надо же было постараться и найти с таким звуком. Единственный на весь корпус сумасшедший телефон. Все остальные трезвонили вполне благопристойно и имели на днище рычажок, уменьшающий звук. Этот был из каких-то старых военных запасов. Видимо, спящих на боевом посту у баллистической ракеты военнослужащих по-другому было не поднять. Завхоз категорически отказывался менять. Работает — вот и пользуйтесь. Новые модели он приберегал для утешения высокого начальства.

---

¹ Нет (*тюрк.*).

— Хирургия, — с придыханием сообщила Люба, снимая трубку. — А... понятно. Конечно. — Брякнула трубку на рычаг. — Зайди к Пазенко, у него список лекарств. Еще чего-то по мелочи. Надо отнести их в психушку.

— С какой стати? — возмутилась Галина. — Пусть получают в аптечном складе.

— Воскресенье сегодня. Закрыто. Завтра вернут.

— А расписываться кто будет?

— Вот он и будет. Начальник. Твое дело с краю. Выполняй указания.

Галина мысленно плюнула и, бросив ручку на стол, поднялась. Вечная история. В армии гоняют молодых, в хирургическом отделении — ее. Что толку, что она Любе до сих пор вынуждена объяснять простейшие вещи, а когда у той очередь уколы ставить, заслуженные офицеры, побывавшие за речкой, норовят спрятаться в туалете. Старшая сестра — именно она. И быть Любе старшей, пока четвертая категория в виде чуда не упадет Галине с неба. То есть никогда.

Через час, получив все необходимое и соответствующую бумажку с оригинальной подписью (вот пусть начальник и отвечает за нарушение инструкции), она вышла в коридор и быстро осмотрела бредущих с обеда из столовой. Рожи, как всегда в таких случаях, одухотворенные. Половина, набив брюхо, размышляет на тему покурить, вторая собирается завалиться вновь на койки.

Так... офицеры нам без надобности, на костылях и скособоченные тоже ни к чему. Опа... На ловца и зверь бежит. Экспонат с сопровождением. С чего это он парнишку под защиту взял?

— Низин, — окликнула хромающего по коридору сержанта с подносом в руках, — отнесешь тарелки и возвращайся. Евгений накормит, — в ответ на недовольный взгляд дала указания. — Евгений, ты понял?

— Так точно, — бодро согласился тот. Женька никогда не спорил и всегда готов был услужить. Через денек-другой пора гипс снимать, и ему очень не хотелось назад в часть. Очень прозрачно не прочь задержаться подольше.

Сашка тоже не стал проявлять возмущения. Быстро вернулся к нетерпеливо ожидающей медсестре, взял в руку тяжелый металлический чемоданчик и послушно двинулся следом.

В другое время и в другом месте он бы еще подумал, но сейчас совершенно не тянуло качать права и кричать про тяжкие ранения и горькую судьбу.

Первые дни он занимался исключительно отсыпанием. Вставал на жрачку, забегал в туалет и опять валялся на койку. Может, виной потеря крови, а может, просто наверстывал все многочисленные недосыпы за три предыдущих года. Без разницы.

Он был способен давить подушку круглые сутки. Благо не казарма и над ухом не орут. Даже в столовку ходить не заставляют, но этого уж пропустить никак нельзя. Денег все едино нет, и купить на стороне не получится. Да и кормят вполне прилично. Не ресторан, но и не армейская пересылка, где имел в свое время удовольствие куковать две недели. Там было нечто страшное.

Рассказов он наслушался еще до армии предостаточно, однако видел такое только в одном месте. Есть старослужащие, есть молодые. У каждого свое четкое понимание обстановки, и живут по писаным и неписаным правилам. Есть устав — и параллельно существуют понятия. Нормально. Все через это проходят. Довести до скотского состояния или петли запросто любого, но это редчайший случай. ЧП никому не хотелось, и определенную границу переходили очень редко. Особенно в частях, участвующих в боевых действиях. Недолго ведь и пулю в спину словить от слетевшего с нарезки.

Там было не так. Долго на пересылке никто не задерживался, многие шли на пополнение или из больниц. Соответственно всем на всех было начхать. Куча молодых, все из разных частей, на кухне безбожно воровали продукты. Что там творилось, вошло в черные легенды, и никто никогда не посмеет напечатать в газете. Это вам не сладенький «Армейский вестник» в ящике по выходным. Беспредел.

Регулярно кого-то били, могли навешать и офицерам. Даже трибунал не останавливал. Все на самом деле запросто делается чисто. В лицо тебя не знают, а если устроить темную, то и концов никаких. Офицеры знали и боялись. Старались ни во что не вмешиваться. Кроме парочки реальных зверей, самих готовых без всякой причины порвать первого встречного. Приходилось присутствовать.

Раз в неделю обязательно обнаруживался труп, и его списывали на несчастный случай. Разбираться желающим не обнаруживалось. Почти наверняка убийца уже ушел с пересылки и проделал фокус напоследок, а свидетелей не было никогда.

Еще на пересылке бесконечно воровали. Люди сбивались в команды по родам войск, по возрастам и просто по личным симпатиям. Это называлось «кушать вместе». Кучей и защищаться легче, и самим... хм... при случае воровать.

Его давно не удивляли подобные воспоминания. Во сне много чего приходило, но как бы со стороны. Он присутствовал, но про себя по-прежнему очень мало знал. Хорошенько покумекав, сообразил: возвращаются самые яркие воспоминания. Хорошие и плохие вперемешку. Хотя хороших кот наплакал: ни про то, ни про другое выворачиваться перед врачами не тянуло.

При расспросах послушно рассказывал, не подчеркивая подробностей. Ну его... Главное, процесс амнезированных событий носит обратимый характер. Формулировку он запомнил и старательно подтверждал диагноз, выдавая информацию дозированно и тщательно следя, чтобы не сказать чего лишнего на тему дыр в памяти. Не каждый день сны приходили, а врачам требуется положительная динамика. Не стоит их разочаровывать. Да и задерживаться дольше необходимого ни к чему.

Вчера проснулся и неожиданно понял — все. Состояние, когда готов спать в любое время и в любом положении, хоть вниз головой, прошло. Пробудилось желание осмотреться. Пора начинать опять жить. Предложение пройти неизвестно куда даже порадовало. Припахивание солдат для разнообразной помощи медперсоналом — в порядке вещей. Их бы и полы мыть заставляли, да все-таки в большинстве раненые, и этим занимались вольнонаемные. «Черные» в госпиталь могли попасть разве чудом — здесь трудились на полах люди со вполне славянской внешностью. Не часто такое увидишь. А для него подобное предложение — еще и возможность вырваться из осточертевших стен. В соседнее здание? Прекрасно! На солнышко выйти.

Он шел на шаг позади и с интересом поглядывал в спину Гале. Когда они стояли рядом, было видно — она ниже него на голову. При этом прямая осанка и постоянно гордо поднятая голова создавали иллюзию высокого роста. Тонкая шейка и

вечно выбивающийся локон волос из-под сестринской шапочки давали ощущение незащитности и притягательности. Это только казалось. При желании она могла и обрезать любого. Причем прямо не ругалась, но потом весь в дерьме. А при всей привлекательности, по отзывам, была самой знающей из здешних медсестер и на работе страшно деловитая.

— Я закурю, — придерживая дверь, сказал вопросительно-утвердительно. Не дожидаясь ответа, он поставил чемоданчик и чиркнул спичкой, прикрываясь от ветра.

— А сигареты откуда? — поинтересовалась Галина. — У Женки отобрал?

— Шмонать молодых на предмет пайки и курева — запахло, — сердито ответил Сашка. — В долг взял. И не у него. Он сам голый.

Галина кивнула. Вячеслав-десантник стесняться не станет. Это было известно всему отделению. У кого брал в долг, она тоже настаивать не стала. Прекрасно знала. Личный бизнес Татьяны. Совсем у бабы совести нет. Любую вещь достанет и принесет. С двойной ресторанной наценкой. Иногда и больше. Половина солдат у нее в кабале и летают по указаниям. И не всегда безобидным. Она всерьез подозревала, что пропавший морфий в прошлом месяце не случайно сперли. Ровно столько, чтобы до расследования не дошло и замели под ковер, списав. Майору скандал ни к чему. А два десятка ампул легко продать на черном рынке. При желании там все достать легко. И опиум продается.

Да и по другим надобностям она их использовала. Пятеро ее детей имели разные отчества, и Татьяна этого совершенно не скрывала. Попробуй при ее внешности найти нормального мужчинку. А здесь за год полк перебивает. Выбирай по вкусу. Некоторые еще и рады стараться.

— Не бери больше. Хуже некуда отдавать, если взять неоткуда. А долги — дело чести, не так ли? С первого числа придут тебе твои одиннадцать рублей. Я видела перевод денежного довольствия на госпиталь.

— Тринадцать, — автоматическиотреагировал Сашка. — За специальность надбавка.

— И какая у тебя специализация? — Бровь вопросительно поднялась.

Он запнулся и беспомощно улыбнулся. Очередная дыра.

— Я связист.

— Ладно, — небрежно отмахнулась, — голова имеется — ду-май. Я сказала — ты услышал. Пошли дальше.

У отдельно стоящего корпуса с железными решетками на окнах она нажала на звонок. Дверь тоже была стальная, с окош-ком-глазком. Сашка никогда не видел тюрьмы, гауптвахта не в счет, однако вид очень напоминал его представления о соот-ветствующем учреждении. Стало любопытно, куда они при-шли. На их корпусе висела соответствующая табличка с пояс-нениями, и на этажах тоже. А здесь — пустота.

— Кто? — спросил висящий сбоку динамик.

— Прапорщик Дмитриева, с лекарствами.

— Ничего не сказали, — неуверенно ответил голос.

— Давай открывай! Ваши звонили. А то развернусь и уйду. А благодарности тебе прилетят.

Зажужжало, и Галина толкнула дверь.

— Это со мной, — сообщила она сидевшему у входа за сто-лом дежурному. Обычный вертухай. Ничего оригинального. Форма армейская. Одна лычка. Год на службе.

— Здесь подождет, — твердо сказал солдат. — Не положено.

— Ладно, стой, — забирая у Сашки чемоданчик, согласи-лась. — Не уходи.

Вертухай довольно хохотнул. Без слов понятно, шутка юмо-ра. Дверь заперта, и без Гали не выпустит. И внутрь не пустит.

Сквозь зарешеченную дверь был виден обычный больнич-ный коридор. В глубине двое в стандартных пижамах энергич-но махали руками. То ли спорили, то ли обсуждали жрачку в столовой. Издалека не разберешь. Торопливо пробежал невы-сокий парнишка и нырнул в туалет. Догадаться было неслож-но. Все корпуса строились по одному плану. В одном побы-вал — во втором не заблудишься.

— Закуришь? — доставая пачку из кармана, спросил Сашка.

— Запрещено, — с тоской в голосе поведал вертухай. — Спрячь. Выйдешь — на улице закуришь. Здесь... Такие суки, мля...

— Паршивая служба? — недоумевая, с сочувствием спро-сил. Первый раз обнаружил на входе в больничное отделение часового. У них двери просто запирали на ночь, а днем во двор или на другой этаж — никаких сложностей. Понятное дело, не во время процедур и обхода. В свободные часы.

— Хуже не бывает! Все на цырлах ходят. Хоть дедушка, хоть грач. Поверишь, возбуждает кто — прямо праздник. Можно повеселиться. Навешать дурику по самое не могу. А ты с хирургии?

— Ага. Из-за речки привезли.

— Вам там весело, — позавидовал ефрейтор.

Тебя бы туда, подумал Сашка со злостью. АБМ¹ в руки — да под обстрел. Там тебе не тут. Сразу назад в скуку захочется.

Парнишка выскочил из туалета, держа руки перед собой, проскочил десяток шагов, внимательно изучил ладони, крутя туда-сюда, и, решительно развернувшись, бегом кинулся обратно.

— Чего это он?

— Руки мыть поскакал.

— А что у него с руками? Вроде красные.

— Ничего, — с удовольствием сообщил вертухай. Ему явно не так часто выпадала возможность потрепаться, и он был рад слушателю. — Самые обычные руки. Правда, если тереть долго, еще и не такими красными станут. Иногда до крови раздирает. И это еще хуже. Ему ведь все отмыть хочется. Кровь отмыть, — видя недоумение Сашки, пояснил. — Ему кажется, руки грязные. Не отмывается. С утра до вечера трет. А так безобидное чмо. Тихий.

— Так это дурка? — дошло до Сашки.

— А ты думал, секретная база! — Ефрейтор обрадованно заржал. — Нет. Здесь шизанутых держат. Или с серьезными черепно-мозговыми нарушениями. Осколок в башку прилетит — и привет. Хотя по-разному бывает. Одного привозили, представляешь, насквозь мозги пуля прошла. А он нормальный. Видимо, вполне способен обходиться без этого, — вертухай постучал себе по голове.

— Ты на себе-то не показывай.

— А! Я не суеверный. Точно говорю — судьба у каждого своя. На роду написано — не минувешь. С ранением в голову выживают редко. Это уж как повезет. Физические нарушения не в счет. А у подавляющего большинства наших клиентов винтиков от рождения не хватает. Ерунда, что с аномалиями развития аборт делают.

---

¹ Автомат Булкина модернизированный. В дальнейшем присутствуют ПБ — пулемет Булкина или АБСУ — автомат Булкина складной.

Выставляется, понял Сашка. Нахватался и перед благодарным слушателем выпендривается.

— Не все определить возможно, — проникновенно сообщил ефрейтор. — Человек с виду правильный, а где-то чего-то не хватает. Тут его по башке и раз! Оно и лезет наружу. Ты людей убивал? Своими руками?

— Да.

— И много?

— Не считал. Много. И что?

— Но ведь не тянет руки мыть непрерывно? — с торжеством воскликнул ефрейтор. — Психика в порядке. А он бы все одно сорвался. Рано или поздно. Курицу бы зарезал — и сорвался. Чмо.

— Слушай, а ведь некоторые рук мыть не будут. Им проще тебе шею свернуть. Дурь-то разная бывает. Возьмет гвоздик, да в глаз. Ему чужая жизнь — плюнуть и растереть. Что с такими делать?

— Лечат, — поскучнев, объяснил вертухай. — Для буйных свои методы. Таблеточками. Укольчиками. Электрошоком, дубинкой или просто сапогами. Иногда привозят кадров, не понимающих разницы между гражданами нашей страны и басмачами. Вот эти могут. Что там, что здесь. Резать тянет. Для них война не закончилась. Все кругом враги и мечтают их убить. Они долго не живут. Маньяки — это где-то там, в Америке. У нас он слюни через полгода пускать начнет и под себя гадить. И такое бывает. Не часто, но случается. Ты уж не попадайся, — он довольно заржал, — ничего хорошего не будет. Если что — водочкой стресс снимай. Самое милое дело.

— Просветился? — поинтересовалась Галина, когда дверь за ними с лязгом захлопнулась.

— Вы меня специально с собой взяли?

— Случайно совпало. Я после медучилища два года честно оттрубила в здешнем заведении. Насмотрелась. Давно не посещала. А тут такой удачный случай.

— А смысл? — угрюмо спросил Сашка. — Чтобы знал, что ждет впереди?

— Голосов не слышишь, кусаться не тянет? Тогда не волнуйся. Еще станешь маршалом. У него в голове обязана присутствовать пустота.

— Издеваетесь?

— Да нет. Насколько можно судить, все у тебя в полном порядке. Выйдешь нормально. Только сиди тихо и не проявляй агрессивности. Если Татьяна Ивановна официально докладную не настрочила, это еще не значит, что никто не знает. Морды бить за дверью госпиталя начнешь. Не здесь. И к майору нашему проявляй величайшее уважение и послушание. Он такой. Любит на прощанье гадость сделать. Не гоношись. Перетерпи. Недолго осталось. Ты вроде не дурак, думай, что и при ком говоришь.

— Почему? — помедлив, спросил Сашка. Очень ему не понравилась последняя фраза. Слишком четкий намек на стукача. Женька? Десантник?

— Почему я это говорю? Слишком много вас видела. Таких... глупых... Думающих, что после войны им море по колено. Режущих правду-матку. Не задумывающихся о последствиях. Здесь не война. Искренность не в почете. У каждого второго после армии нелады с поведением. Здесь существуют по иным законам. За лишнее слово могут и диагноз впать. А там не лечат. Кого просто глушат, сажая на таблетки... А те мало того что по мозгам бьют, так еще и побочные последствия нередки... А кого и залечивают. Сплавливают в психушку слишком ершистых и наглых, а выходит... если выходит... уже пришибленный на всю жизнь. Особенно этих касается... Из внутренних. Каратели и есть каратели.

Метров тридцать они прошли молча. Потом он не выдержал:

— А почему просто не рассказать мне про меня? Может, тогда вспомню.

— Во-первых, в медицинском деле — максимум болезни. Наличие кори в детстве очень освежит память?

Он невольно усмехнулся.

— Во-вторых, Пазенко запретил. Где-то он вычитал о необходимости отсутствия оперативного вмешательства. А ты с успехом подтверждаешь данные из статьи. Ведь приходит во сне?

— Отрывки, обрывки...

— Время лечит... А если задуматься... — Сашка молчал, опасаясь спугнуть. — Что касается тебя... Есть такая теория — проявление бессознательного.

— Фрейд.

— Слышал? — не удивилась Галина. — Это не то. Советская наука аргументированно опровергла положения буржуазного, да еще и жившего в начале прошлого века, человека...

Сашке очень захотелось продолжить в том же духе: советская наука, вооруженная самой передовой марксистско-ленинской теорией, с успехом доказала возможность стрелять без патронов из правильного советского пулемета. Не стоило прерывать, особенно в свете предыдущего предупреждения. Ирония сейчас не к месту.

Галина посмотрела на него внимательно и усмехнулась. Похоже, догадалась о мыслях.

— Неосознанное включает в себя и автоматические действия. Рефлекс, заставляющий тебя прятаться при визге снаряда или орать «Так точно!». Поведенческие стереотипы, действующие автоматически, без осознания. Короче, это долго объяснять, и три четверти я успела забыть со времени экзамена. Вряд ли смогу все подробности точно изложить, и терминологию придется объяснять. Очень упрощая — ты просто не хочешь вспоминать. Ну, решил и щелкнул выключателем, бессознательно. Он, твой разум, принял постановление дать пожить тебе спокойно и временно избавил от лишних впечатлений.

— М-да... — озадаченно произнес Сашка. — Временно или может не вернуться? Или не все?

— А на этот вопрос тебе никто не даст ответа. Завтра, через неделю, никогда. Немного, половина или все. Поверь мне, бывает много хуже. А тебе недостаток мешать жить не станет. Если не примешься рассказывать всем направо и налево. Может, там, позади, ничего хорошего и не было? Извини, если неприятно прозвучит, но, может, и к лучшему. Я вот с удовольствием отдала бы кой-какие неприятные воспоминания. Не всем так везет...

«Неважный мир Господь для нас скропал...»¹ — знакомо звучало у Сашки в голове.

Он невольно поежился. Не слишком положительные ассоциации.

— Есть у меня один знакомый по этой части, — сказала Галина. — Хотел диссертацию написать на реальном материале. Зарезали. Заподозрили фигу в кармане и намеки...

---

¹ Р. Киплинг. Добровольно пропавшие без вести. Перевод К. Симонова.

Она знакомо усмехнулась.

— В сорок первом году призвали в рейхе в полицейский батальон. Людям было не меньше тридцати и немногим больше сорока. Те, кто по возрасту и состоянию здоровья не мог в действующую армию. Грести всех подряд стали позднее. Так вот, по социальному составу они были в большинстве рабочие из Гамбурга, мелкие служащие и лавочники. Крестьян самый минимум. Практически все выросли не при Гитлере и не при нем ходили в школу. Пламенные нацисты если и были, то немного. Никаких эсэсовцев и штурмовиков. Обычные взрослые мужики. Пять сотен человек.

Пришел приказ ехать в Польшу. Причем командиру, майору, прямо сказали: придется расстреливать. Он построил батальон и открытым текстом довел до личного состава: «Кто не считает себя готовым расстреливать людей, может выйти из строя. Их переведут. Возможно, в армию отправят, но участвовать в этом они уже не будут».

Вышло человек пятнадцать. Никто из них не был арестован или посажен в тюрьму. Остальные поехали. Когда начались массовые казни, с десятков пришлось убрать. Нервы не выдержали, парочку в психушку отправили, их дальнейшая судьба неизвестна. Еще человек пятнадцать попросили их освободить. Уже минус двадцать пять. Остальные продолжали этим заниматься. Причем до десяти процентов личного состава начали получать удовольствие и всячески разнообразить процесс для развлечения. Там были крайне неприятные подробности. За полгода батальон расстрелял восемьдесят пять тысяч человек. Женщин, детей, стариков и мужчин. Приблизительно по сто семьдесят человек на каждого.

Короче. Если привести пятьсот человек даже сегодня, хоть немцев, хоть русских, хоть американцев, хоть кого. И приказать расстрелять — откажутся процентов десять. Еще полсотни сделают это с удовольствием. А остальные будут выполнять приказ. Равнодушно. И эти десять процентов любителей крови есть в любой армии. Психика у людей не отличается. Что у нас, что в чужих странах. Люди внутренне не изменились с каменного века. Вот только не любая армия отдаст такой приказ. Совсем не любая. А люди такие есть. Надеюсь, не требуется пересказывать откровения иных военнослужащих. Для них не было разницы, военный дух или мирный.

— Ну и что? — угрюмо спросил Сашка. Про тот первый сон он никому не рассказывал, а прозвучало вполне про него. — Если у меня убьют товарища, я вполне откровенно могу сказать, что не постесняюсь ответно. Да, я не буду убивать мирных без причины. Но это я говорю сейчас. А на войне жизнь стоит копейку. Очень много зависит от ситуации. Был случай, наши ребята в плен попали, так их на куски порезали и к дороге тела подбросили. Может, пугнуть решили, — так мы потом пленных не брали. Жестокость рождает ответную жестокость. Это в книгах про душевные муки, а у меня их никогда не было. Или ты его — или он тебя.

Она остановилась у дверей.

— Покури и подумай. К обеду чтоб был как штык. Режима не нарушать!

Глава 3 ВОСПОМИНАНИЯ ПРИХОДЯТ БЕЗ СПРОСА

Они шли цепочкой, постоянно контролируя окрестности. Не то чтобы ждали проблем, просто вбито на уровне рефлексов. Бдительность и жизнь неразделимы. Третий час после высадки с вертолета, все время вверх по склону, и конец пути не скоро. Дороги не было — еле заметная тропа. Скорее всего, по ней возили грузы на ослах. Они хоть и маленькие, да килограммов сто потянут. А теперь по ней, нагруженные не хуже ишаков, взбираются солдаты.

Кто-то в штабе ткнул пальцем и, кривясь, заявил: «Не нравится мне эта тропа. Не иначе, по ней душманы по ночам шастают». Топчи, рядовой, камни под июльским солнцем. Привыкай. Сорок в тени — вполне по-божески. Вода во фляге будто с горячей плиты, и раскаленный металл оружия нешутейно обжигает пальцы. Шагай. Твое дело — проверить. А вдруг и правда злобный враг проскользнет в тыл. Это называется «обмять новичков». На серьезное дело пускают не сразу, а для ветеранов своего рода отдых.

Впереди маячила хорошо знакомая спина Акимовича, его личного начальника и ведущего. Ерунда, что у каждого в роте минимум три специальности. Все равно к ветерану прикрепляют ведомого. Он объяснит, подскажет и покажет. А стоящий

связист вообще на дороге не валяется. Одно дело — уметь, и совсем другое — делать под обстрелом. Тут у любого тертого героя, прошедшего огонь и воду, нервы играют.

Духи тоже не дураки. Офицеры на операции ходят в обычных хэбэшках, их издали не отличишь. А у связиста антенну хорошо видно. Первая и самая лучшая цель. Выбить управление — и сложности гарантированы. Связист никогда не идет в первых рядах, да редко помогает: любимая мишень снайпера, и текучка среди связистов всегда огромная.

Акимович страшно напоминал гранитный столб. Столь же непрошибаемый и умудряющийся в любой обстановке читать нуднейшие лекции по правильному поведению, перемежая цитатами из устава. Мог и по шее дать. Не из вредности — для лучшего усвоения материала.

Попутно под настроение он делился совершенно неортодоксальной версией истории СССР. Происходя из сербов, успешно удравших от Тито, тем не менее он имел взгляд на тогдашние события, вовсе не совпадающий с официальной версией. Добровольность вхождения Восточной Европы в состав самого замечательного в мире государства вызывала у него кривые усмешки. Впрочем, с возражениями на собраниях не выступал, исключительно среди своих. И так ругани хватало на его рассказы. Уж очень отличалось его изложение событий от уроков истории.

Как бы то ни было, именно такой человек и требовался на первых порах новичку. Невозмутимый, всезнающий и заслуженный. Наград они не носили и в обычное время: считалось излишним хвастовством. Все окружающие и так прекрасно знают, у кого и за что они имеются, но когда ты в курсе, что напарник не сдрейфит и доказал это делом, всегда легче на душе. Еще бы не пытался стихи писать — совсем бы замечательный был боец. Так ведь не только кропает, еще и читает окружающим. Не нравится Киплинг — изучай Светлова. Про... гы... «Итальянца» для Итальянца: о том, что нет справедливости «справедливее пули моей». Или читай Симонова. Это поэзия... Не про наши дела, но все равно стихи, не убожество. И ведь не скажешь: обидится. Дипломатические советы осваивать рифму и изучать мировое творчество на примерах мимо ушей пропускает.

Жрать охота. Хоть сухпай в желудок положить. Дерьмовая еда. Одна консерва «Минтай в масле» и пакет с черными сухарями. Разве голод заглушить.

Что за звук?

Цепочка людей неожиданно замерла, и они не хуже тараканов на кухне, разбегающихся при включении света, метнулись во все стороны, норовя забиться в укрытие. Огромная ладонь ударила в грудь — и он отлетел в сторону, неловко падая на спину и с ужасом слыша неприятный хруст в ящике за спиной. Хана «Сигналу».

— Ракету! — слабо донесся дикий крик. В уши будто ваты набили.

Метрах в ста опять рвануло, и взрыв был нехилый. Это не полковушка, что-то серьезное. Откуда у духов стопятидесятипятимиллиметровая артиллерия?!

Он перевернулся, собираясь последовать примеру остальных, срочно забиться под камень, и уткнулся носом в прекрасно знакомые ботинки. Предмет его глубокой зависти и абсолютно неуставные. Легкие и прочные, естественно, чуждого нам в корне производства. Самое то по горам ходить.

— Ай, мама, как болит, — простонал Акимович.

В боку у него была большая рана, и там что-то неприятно шевелилось.

— Сейчас, Итальянец, — пробормотал. Скорее сам себя успокаивал, потому что вряд ли тот понял.

Руки сами автоматически делали привычное дело. Промедол. Разрезать одежду, тампон, примотать на скорую руку. Еще один промедол. Хуже не будет.

Ухватил за шиворот и, упираясь ногами, надрываясь, потащил к присмотренной расщелине. Какое-никакое прикрытие, а лежать на открытом месте под обстрелом — большое спасибо. Сколько ты вешишь, сука? Почему такой тяжелый?

Чьи-то руки ухватили Акимовича, помогая, и они рывком оказались в вождеденном укрытии.

— Связи нет? — глядя, как он со злостью скидывает ящик, спросил старлей.

— Разбилась.

— Не вздумай бросить. Потом не отпишемся.

Акимович опять застонал в голос.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ПРИШЕЛЕЦ	5
Часть вторая. УШЕЛЕЦ	236
<i>Эпilog</i>	437